

С. П. Усенко

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ИНСТИТУТА И СУБИНСТИТУТА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
Краснодар, Россия

Поступила в редакцию 10.02.2023 г.

Принята к публикации 03.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4

33

Для цитирования: Усенко С. П. Соотношение понятий института и субинститута в уголовном праве // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канга. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. №2. С. 33–43. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4.

Рассматривается связь между понятиями института и субинститута в уголовном праве. Понимание субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института требует проверки с точки зрения анализа соотношения этих понятий, тем более что сам термин «субинститут» не используется официальной доктриной и правоприменителем. Проведенный анализ позволяет уточнить признаки субинститута права и основания его соотношения с институтом уголовного права. В статье на основе анализа соотношения субинститута и института выявлены признаки субинститута уголовного права как элемента структуры уголовно-правового института, исследованы существующие научные точки зрения на субинститут и его место в системе уголовного права.

Ключевые слова: субинститут уголовного права, институт уголовного права, система уголовного права, нормативное предписание, эволюция структуры права

Одной из проблем гармонизации системы российского уголовного права является разработка понятия субинститута. Исходные посылки для такого анализа относятся к области теории права и государства.

Субинститут, отмечал С. С. Алексеев, — это органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов, отражающие «усложнение» структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм [2, с. 151]. В. П. Коняхин резюмировал, что система институтов Общей части уголовного права, исходя из степени нормативного обобщения, может быть построена по следующей пятиуровневой схеме: типовые институты нормативных предписаний (соответствующие разделам УК РФ, которые имеют поглавную структуру), родо-типовые (соответствующие разделам, не имеющим подразделения на главы), родовые институты (предусмотрены главами УК РФ), видовые (соответствуют объединению правовых предписаний на уровне групп статей внутри гла-

вы) и основные (на уровне отдельной статьи) [9, с. 171–172]. Одновременно он выделял «субинституты уголовно-правовых предписаний Общей части» (что соответствует объединению нормативных предписаний, закрепленных на уровне отдельной части статьи УК РФ), «которые юридико-техническими средствами не оформлены как основной институт (главным образом в силу не только законодательной, но научной неразработанности» [9, с. 172].

Размещение субинститута в составе института уголовного права на фоне приведенной научной позиции В.П. Коняхина о наличии системы различных по объему и соподчиненных в родо-видовом отношении правовых институтов, ставит перед исследователем принципиальный вопрос о наличии качественных, существенных отличий между субинститутом уголовного права и простым, не имеющим внутренней градации, основным правовым институтом. Проблема их отграничения становится особенно актуальной еще и потому, что некоторые исследователи полагают возможным относить к субинститутам отдельные смысловые блоки сложных уголовно-правовых институтов [7, с. 122]. В итоге количество субинститутов может значительно возрасти за счет формального отнесения к ним простых институтов, состоящих из ограниченного количества норм и в силу этого имеющих внешнее сходство с субинститутами.

Типичным примером в данном случае может служить подход исследователей к пониманию системы особенной части уголовного права. Поскольку институты особенной части уголовного права группируются в рамках одной главы Уголовного кодекса и представляют собой совокупность предписаний об ответственности за преступления, имеющие единый родовый объект, то, руководствуясь вышеуказанным подходом, каждое из отдельных преступлений, нарушающее видовые отношения внутри этих родовых, или группу таких преступлений потенциально можно объявить субинститутом.

Например, Ю.Е. Пудовочкин прямо пишет, что субинституты особенной части уголовного права выделяются «в соответствии с разработанной в науке классификацией преступлений определенного вида» [14, с. 87]. Однако, полагаем, не требует специальных доказательств тезис о том, что классификация преступлений по объекту посягательства и определение внутренней структуры уголовно-правового института — это качественно различные логические операции. К тому же классификация преступлений есть результат исключительно научной проработки вопроса, отражающий субъективный взгляд исследователя на проблему. В своей работе Ю.Е. Пудовочкин иллюстрирует субинституты института преступлений в сфере экономической деятельности со ссылкой на классификацию таковых, предложенную Б.В. Волженкиным. Однако надо признать, что данная классификация не является единственно возможной. Без дополнительных ссылок на источники позволим напомнить, что оригинальные градации экономических преступлений предложены также Н.А. Лопашенко, И.А. Клепичкиным, Г.В. Веринной и другими исследователями. Аргументация в пользу того,

почему лишь одна из множества классификаций должна быть положена в основу выделения субинститутов, в анализируемой работе отсутствует. Да и вряд ли она возможна. А это значит, что при таком подходе структура уголовно-правового института преступлений в сфере экономической деятельности потенциально может быть определена самым различным образом, в зависимости от того, какой именно из существующих классификаций экономических преступлений будет отдано предпочтение исследователем. Едва ли такое решение вопроса отвечает сложившимся представлениям об объективной природе права и его структуры.

Кроме того, нельзя не напомнить, что классификация преступлений означает их градацию на виды по какому-либо критерию, при которой члены деления будут исключать друг друга; члены классификационного деления полностью исчерпывают весь объем классифицируемого объекта. Следовательно, при отождествлении классификации преступлений и структуры уголовно-правового института весь институт полностью и без остатка будет разбит на отдельные субинституты¹. В этом случае институт становится мыслимым лишь как систематизированное объединение подинститутов. Такой подход коррелирует с приведенной выше позицией В. П. Коняхина о родо-видовых отношениях между институтами права, различающихся своим объемом. Но совмещение озвученных теоретических позиций приводит к мысли о том, что группы норм, именуемые Ю. Е. Пудовочкиным субинститутами, представляют собой то, что В. П. Коняхин назвал видовыми институтами уголовного права. Столь различный взгляд на один и тот же феномен также нельзя признать удовлетворительным.

Соотношение института и субинститута уголовного права в итоге остается «открытым вопросом», нуждающимся в дополнительном исследовании.

В современной уголовно-правовой литературе попытку ответить на этот вопрос предприняла А. В. Денисова. Учитывая, что это один из многих и весьма оригинальный взгляд на проблему, приведем позицию автора полностью:

Уголовно-правовые субинституты занимают промежуточное положение между уголовно-правовыми нормами и институтами. ... Уголовно-правовые нормы и предписания объединяются в субинституты с целью более успешного и детализированного решения отраслевых задач. Как правило, такое решение бывает альтернативным, это один из вариантов (как правило, дополнительный) урегулирования ситуации, прописанный в нормах и предписаниях субинститута. Можно сказать, что субинституты представляют собой микросистему в отраслевой системе, они выступают некой оболочкой и связующим элементом между нормами и институтами. Последние являются минисистемой более высокого уровня, включают в себя не только нормативно-правовые предписания, уголовно-правовые нормы, но и субинституты [6, с. 185].

¹ О специфике нормативного материала института, содержащего субинституты, который невозможно равноценно и без остатка, не сводимого к одним лишь общим нормам, распределить по субинститутам, подробнее см.: [2, с. 132; 13, с. 53].

И далее:

Субинститут существует в уголовно-правовом институте как некая альтернативная или запасная деталь, которая может понадобиться и стать крайне полезной при определенных фактических обстоятельствах... Уголовно-правовые институты могут реализоваться и без применения составляющих их субинститутов, однако обратная ситуация невозможна: практически немыслима реализация субинститута без обращения к нормам и предписаниям уголовно-правового института, составной частью которого он является. ...Когда действие субинститута актуализировалось, начали применяться составляющие его нормы и предписания, уменьшается воздействие уголовно-правового института, его содержащего, в пользу влияния субинститута... Если провести аналогию с гражданским правом, то уголовно-правовые институты и субинституты соотносятся между собой как главное и принадлежность: последняя предназначена служить первому и связана с ним общим назначением, следует его судьбе. Так и субинституты, несмотря на свою достаточную самостоятельность, фактически обслуживают уголовно-правовые институты, связаны с ними общим предназначением, целью разрешения конкретных внутриотраслевых задач... Таким образом, уголовно-правовые институты и примыкающие к ним субинституты представляют собой своеобразные парные нормативные общности, соотносительные между собой по предоставлению основного / альтернативного вариантов урегулирования подвидов общественных отношений, относящихся к предмету отрасли уголовного права [6, с. 187 – 188].

Анализируя эту позицию, считаем возможным высказать следующие критические замечания.

Во-первых, субинституты не занимают «промежуточное положение» между предписаниями и институтами. Их место совершенно иное. Они выступают частью правового института, отражая не усложнение линейной структуры права, а усложнение структуры правового института.

Во-вторых, оригинальная авторская аналогия соотношения между институтами и субинститутами по принципу главной вещи и принадлежности входит в противоречие с рассуждениями того же автора о субинституте как исключительно альтернативном варианте разрешения той или иной правовой ситуации. «Принадлежность» не может служить альтернативой «главной вещи». По аналогии с гражданским правом она всегда предназначена «для обслуживания» «главной вещи» (так, по крайней мере, следует из буквального толкования ст. 135 ГК РФ). Если иллюстрировать эти отношения материалом уголовного права, то не будет большой ошибкой признать, что, к примеру, предписание ч. 5 ст. 73 УК РФ, обязывающее суд (а до 2009 г. [12] – предоставляющее суду такую возможность) возложить на условно осужденное лицо те или иные обязанности, способствующие его исправлению, есть не что иное, как предписание-«принадлежность». Оно не применяется самостоятельно, не обладает самостоятельным регулятивным значением, но всегда «следует» главному предписанию – о применении условного осуждения. При этом такая «принадлежность» не создает альтернативного варианта регулирования условного осуждения. И напро-

тив, альтернативные предписания далеко не всегда являются «принадлежностью» предписаний «главных», в том смысле, что «не следует за ними». К примеру, предусмотренные ст. 90 или ст. 92 УК РФ альтернативные варианты разрешения уголовно-правового конфликта, вызванного преступлением несовершеннолетнего, не следуют с необходимостью за привлечением подростка к уголовной ответственности или применением к нему уголовного наказания. Таким образом, отождествление «принадлежности» и «альтернативы» не является, на наш взгляд, в достаточной степени обоснованным.

В-третьих, нельзя в полной мере согласиться и с утверждением о том, что применение субинститута «уменьшает воздействие» правового института, частью которого этот субинститут является. Если субинститут — часть института и подчинен его общим целям и задачам, то скорее напротив, его применение должно усиливать регулятивные возможности правового института, способствовать более полной реализации регулятивного потенциала соответствующей группы правовых предписаний согласно поставленным перед ними целями.

В то же время в позиции А. В. Денисовой заложены некоторые крайне важные тезисы, которые заслуживают поддержки и должны быть развиты. Стоит безоговорочно согласиться с тем, что:

- субинституты и институты нацелены на решение общих для них отраслевых задач уголовного права;
- они имеют тесные содержательные связи между собой и с иными подразделениями структуры отрасли;
- самостоятельное, без обращения к предписаниям, составляющим институт, применение субинститута уголовного права является теоретически и фактически невозможным.

Эти исходные положения подчеркивают системный характер связи субинститута и института уголовного права. Но они пока еще ничего не говорят о содержательной характеристике этой связи. Понять ее можно, как представляется, если обратиться к вопросу о генезисе субинститутов в структуре правовой отрасли.

Отвергая идею о том, что субинститут есть первичная общность правовых предписаний, и признавая возможность его существования только в рамках уже сложившегося правового института, обратим внимание, что нормативный материал института образуется раньше, чем субинститут, и последний обособляется только на фоне всего института, являясь последствием его структурного усложнения. Субинститут всегда вторичен по отношению к институту и не существует вне своего «материнского» института. Хотя это и не исключает того, что в процессе эволюции уголовного права некоторые субинституты могут все больше приобретать признаки самостоятельных, а не вспомогательных элементов структуры отрасли.

В понимании вопроса о генезисе субинститутов могут оказаться полезными рассуждения С. С. Алексеева относительно функциональных институтов. Он указывал, что «источником многих институтов служат вариативные конкретизирующие предписания (“В-предписания”) и исключительные нормы, делающие изъятие из установленного общего

порядка» [2, с. 143]. Эта логика вполне применима и для познания идеи появления субститутов. Когда (и если) в рамках уголовно-правового института возникает потребность в каком-либо специфическом режиме регулирования, учитывающем особенности предмета или метода этого правового института, реакцией на такую потребность выступает возникновение одного или нескольких предписаний. Именно эти предписания и становятся нормативной базой субинститута.

«В каком же случае можно говорить о существовании субинститутов?» — задавался вопросом С.С. Алексеев. И отвечал: «Это — органические образования относительно самостоятельного характера, формирующиеся внутри институтов. Следовательно, перед нами “усложнение” структуры института, относительное обособление внутри его определенного комплекса норм. Такого рода образования внутри институтов зачастую представляют собой разросшиеся ассоциации предписаний» [2, с. 151].

Итак, из рассуждений С.С. Алексеева можно вывести следующую логику формирования субинститута права:

- возникновение правовых предписаний и их разрастание;
- формирование правового института на основе ассоциаций правовых предписаний;
- возникновение и разрастание предписаний в структуре правового института;
- оформление ассоциации предписаний в структуре института в качестве субинститута.

Ключевой момент в этой схеме — понятие ассоциации правовых предписаний. В одной из своих работ С.С. Алексеев писал:

Основные, детализирующие и варианты нормативные предписания образуют связки, последовательные цепочки, из которых нередко образуется некоторая общность предписаний, своего рода ассоциации норм. Эти ассоциации, составляющие, как правило, содержание многоабзацной статьи нормативного акта, отличаются своим законом связи между предписаниями, особой структурой. ...С ассоциаций предписаний «все начинается» в структуре права. Из них формируются устойчивые правовые общности — правовые институты, их объединения. Причем в ассоциациях предписаний, формулируемых законодателем под прямым влиянием юридической практики, непосредственно ощущаются пульс разнообразных жизненных отношений, потребности практики, накопившийся опыт индивидуально-правовой деятельности компетентных органов [1, с. 324 — 325].

Ассоциация правовых предписаний, таким образом, имеет внешней формой своего выражения многоабзацную статью закона. Это некая упорядоченная и системно связанная группа уголовно-правовых предписаний (например, части 1 и 2 ст. 105 УК РФ или части 1, 2 и 3 ст. 29 УК РФ). Такие ассоциации в структуре права не образуют самостоятельного элемента. Они суть «строительный материал». Некоторая ассоциация предписаний может вполне выражать собой институт права (как, например, ст. 46 УК РФ всецело выражает собой содержание института штрафа как вида уголовного наказания). В этом отношении

следует поддержать позицию В. П. Коняхина о том, что уголовно-правовой институт может быть выражен в одной статье закона [9, с. 166], и соответственно возразить категорическим суждениям М. С. Жука о том, что «институт уголовного права для своего внешнего выражения требует всегда нескольких самостоятельных статей уголовного закона» [7, с. 146]. Некоторые ассоциации выступают частью правового института, но частью, которая может быть признана исключительно технической, лишенной в системе правового института самостоятельного значения (примером такой ассоциации может служить ст. 87 УК РФ, декларирующая общие подходы к реализации уголовной ответственности несовершеннолетних). Некоторые же ассоциации нормативных предписаний, будучи неотъемлемой частью уголовно-правового института, наделяются некими чертами относительной самостоятельности. И именно они выступают содержанием субинститута уголовного права (например, ассоциации предписаний, выраженные в ст. 90—92 УК РФ).

Такое понимание структурной характеристики субинститута становится еще более наглядным и понятным, если вслед за С. С. Алексеевым провести отграничение сложного института, включающего в себя субинститут, от объединения правовых институтов. Автор пишет:

...не следует смешивать это «усложнение» в строении отдельных институтов с другим, весьма существенным явлением в структуре права — с объединениями институтов. Правовой институт в принципе остается все же первичной, начальной правовой общностью, следующей, как правило, сразу за нормативными предписаниями и их ассоциациями. Но правовые институты, как и нормативные предписания, могут объединяться в более крупные подразделения [2, с. 151].

И далее: субинституты от объединения институтов «отличаются тем, что в их содержании всегда есть значительный нераспределимый по субинститутам “остаток”, который не сводится к одним лишь общим нормам» [Там же].

Таким образом, объединение институтов — это явление сугубо механистическое. На основании некоторых общих признаков (как правило, исходя из предмета регулирования) законодатель вправе, руководствуясь юридико-техническими соображениями, объединить несколько самостоятельных уголовно-правовых институтов в рамках одной структурной единицы текста уголовного закона (например, в главе). Однако такое техническое объединение не приводит к формированию нового института, члены объединения не превращаются в субинституты, но всецело сохраняют статус полноценного уголовно-правового института.

С этой точки зрения сложно признать справедливым мнение А. И. Бойко о том, что только обобщенные на уровне раздела II УК РФ предписания о преступлении образуют собственно институт преступления, в то время как обобщения нормативных предписаний на более низком уровне — уровне глав, составляющих этот раздел (неоконченное преступление, субъект, соучастие и пр.), пригодны лишь на роль субинститутов [5, с. 430]. Если даже согласиться с тем, что раздел уго-

ловного закона служит самостоятельной формой выражения некоторой ассоциации правовых предписаний, то надо в то же время признать, что раздел включает в себя все главы без исключения, а потому все содержание раздела «разбивается» на главы без остатка. Раздел формируется главами. Следовательно, выраженная в нем общность правовых предписаний является не чем иным, как механическим объединением правовых институтов, если опять же согласиться с тем, что в каждой главе закона, входящей в тот или иной раздел, закреплён институт уголовного права.

Объединение правовых институтов (в данном случае неважно, выражено оно в разделе или в главе уголовного закона) всегда «без остатка» может быть поделено на составляющие его институты. В этом отношении хороший эмпирический материал даёт анализ почти всех глав особенной части УК РФ.

Традиционно считается (это мнение крайне распространено в специальной литературе), что каждой главе в данном случае соответствует отдельный самостоятельный институт — экономических преступлений, преступлений против собственности и т.д. В то же время в науке звучат настойчивые предложения исследователей о том, чтобы на уровне отдельной главы закона обособить часть предписаний, сегодня включённых в состав той или иной главы, и тем самым формально подтвердить их статус в качестве самостоятельного уголовно-правового института. Такие предложения высказывались, например, по отношению к институтам налоговых преступлений [3, с. 8], преступлений против свободы личности [10, с. 5], преступлений против порядка организации и проведения выборов [15, с. 7], преступлений, связанных с нарушением въезда, выезда и пребывания на территории РФ иностранных граждан [4, с. 12] и т.д. Развивая эти идеи, можно составить вполне развернутое обоснование необходимости разделения каждой главы особенной части УК РФ на отдельные, более мелкие главы, объединяющие самостоятельные институты. Хорошей иллюстрацией в данном случае может служить УК Франции в части описания им преступлений против порядка управления. В качестве отдельного элемента структуры особенной части в книгу 4 о преступлениях против государства включена глава III «О посягательствах на государственное управление, совершенных частными лицами». В ней десять отделов посвящены отдельным уголовно-правовым институтам: отдел II «Об угрозах и актах запугивания, совершенных против лиц, занимающих публичную должность»; отдел III «О незаконном изъятии, присвоении либо уничтожении документа, ценных бумаг или других предметов, содержащихся в государственном хранилище»; отдел IV «О неуважении»; отдел V «О неповиновении»; отдел VI «О противодействии выполнению работ в общественных интересах»; отдел VII «О незаконном присвоении полномочий»; отдел VIII «О незаконном присвоении знаков отличия, присущих органам государственной власти»; отдел IX «О незаконном присвоении званий»; отдел X «О недопустимом использовании звания» [16].

Важно подчеркнуть в связи с обсуждаемыми проблемами, что дробление глав на отделы или разделение одной главы на несколько более мелких глав, отражая субъективный взгляд на институциональное строение отрасли, подтверждает, что при существующем порядке вещей в особенной части УК РФ сложная многосоставная глава, которая без остатка может быть разбита на более мелкие образования, представляет собой пример именно объединения нескольких уголовно-правовых институтов, а не сложный институт с входящими в него субинститутами. Субинститут (и в этом его принципиальная характеристика) не может быть изъят из института и обособлен в отдельной структурной части закона до тех пор, пока он сохраняет этот статус субинститута. Потенциально неисключенное обособление ассоциации нормативных предписаний, составляющих часть правового института, в отдельную единицу текста закона допустимо только в том случае, когда разрастающийся субинститут приобретет черты и свойства самостоятельного института уголовного права.

«Цементирующим» фактором, сплачивающим субинститут со всей системой «материнского» института, служит тот самый «нерастворимый остаток», о котором писал С.С. Алексеев. Как верно отмечают В.Л. Кулапов и Е.Г. Потапенко,

в любой правовой общности существует «активный центр», который выражает основные характерные особенности данной правовой общности и выполняет интегрирующую функцию. В рамках системы отраслей роль такого активного центра играет конституционное право, в рамках структуры конкретной отдельной отрасли — общий (генеральный) институт, состоящий из нормативных обобщений, в рамках института — общие положения, которые могут представлять собой субинститут, в рамках комплекса правовых норм — основная норма [11, с. 68].

Общие положения есть нормативная платформа для всего института, в том числе и для такой его части, как субинститут. Она включает в себя принципы, дефиниции, общие предписания. «Общие положения, которые содержит правовой институт, относятся ко всем входящим в него субинститутам. Тот факт, что они не дублируются в тексте каждого из субинститутов — это прием юридической техники, обеспечивающий правило экономичности составления юридических текстов» [8, с. 54]. Именно эта платформа обеспечивает системный характер связи субинститута с иными предписаниями, составляющими институт права, и препятствует произвольному обособлению субинститута на уровень самостоятельной структурной единицы отрасли.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права : учебник. М., 2009.
2. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
3. Батайкин П.А. Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации: уголовная ответственность и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008.

4. Белова М.А. Незаконная выдача иностранному гражданину или лицу без гражданства паспорта гражданина Российской Федерации или внесение заведомо ложных сведений в документы, повлекшее незаконное приобретение гражданства Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
5. Бойко А.И. Система и структура уголовного права : в 3 т. Ростов н/Д, 2007. Т. 1 : Системология и структурализм в современной познавательной культуре.
6. Денисова А.В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
7. Жук М.С. Институты российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2013.
8. Кириллова Е.А. Место субинститутов в структуре сложных правовых институтов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. №5 (124). С. 52–57.
9. Коняхин В.П. Теоретические основы построения общей части российского уголовного права. СПб., 2002.
10. Коротич Е.А. Уголовно-правовая охрана личной свободы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2016.
11. Кулапов В.Л., Потапенко Е.Г. Теоретические основы правовой интеграции. М., 2011.
12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федер. закон от 27.12.2009 г. №377-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. №52 (1 ч.). Ст. 6453.
13. Орехов И.В. Понятие и признаки субинститута права: настоящее и будущее // Вестник Омского университета. Сер.: Право. 2016. №3 (48). С. 51–55.
14. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права : лекции. М., 2012.
15. Толстикова И.Н. Уголовная ответственность за нарушения законодательства о выборах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005.
16. Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л.В. Головкин, Н.Е. Крылова ; пер. и предисл. Н.Е. Крыловой. СПб., 2002.

Об авторе

Сергей Павлович Усенко – соискатель, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Россия.
E-mail: 2682135@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>

S. P. Usenko

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF INSTITUTION AND SUB-INSTITUTION IN CRIMINAL LAW

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

Received 10 February 2023

Accepted 3 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4

To cite this article: Usenko S.P. 2023, Correlation between the concepts of institution and sub-institution in criminal law, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 33–43. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-4.

The article considers correspondence between the concepts of institution and sub-institution in the criminal law. The understanding of the criminal law sub-institution as an element of the structure of criminal law institute requires verification in terms of analysis of the correlation between these concepts. It is especially urgent due to the fact that the term sub-institution itself is not used by the official doctrine and law enforcement. Such analysis allows us to clarify the indicators of sub-institution of law and the grounds for its correlation with the institute of criminal law. Such approach encourages the author to identify the characteristics of criminal law sub-institution as an element of structure of criminal law institution, examine existing academic opinions on sub-institution and its place in the system of criminal law.

Keywords: sub-institution of criminal law, institute of criminal law, system of criminal law, normative prescription of criminal law, evolution of the structure of law

The author

Sergey P. Usenko, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia.

E-mail: 2682135@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1961-8583>